

УДК 811.161.1'373.43

Т. А. Яценко

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
(г. Симферополь)*

ЛИНГВОКОГНИТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНДИВИДУАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

Присвячується дослідженню індивідуально-стилістичних неологізмів у текстах листів О. Блока, проведеному на підставі когнітивного дискурсивного аналізу.

Посвящается исследованию индивидуально-стилистических неологизмов в текстах писем А. Блока, проведенному на основе когнитивного дискурсивного анализа.

The article is devoted to research of individual-stylistic neologisms in the A. Blok's letter texts. The work is built on the base of the cognitive discourse analysis.

В современной лингвистике неология рассматривается как наука о языковых новообразованиях и соответствующей терминологии (С. И. Алаторцева, А. Б. Бушев, С. С. Лукьяненко, Т. С. Пристайко и др.). Актуальные проблемы неологии начинают разрабатываться с позиций когнитивной дериватологии (Е. С. Кубрякова), когнитивно-семасиологической теории (Н. Ф. Алефиренко) и когнитивно-дискурсивной парадигмы (Л. И. Плотникова, Л. Ю. Касьянова и др.), в соответствии с которой образование нового слова «является когнитивным актом, раскрывающим тайны механизма взаимодействия жизни и языка» [11, с. 71].

Думается, что обращение именно к эпистолярно-мемуарным текстам, где личность и когниции автора выражены непосредственно, и к тому же выявлены (или в самих текстах, или в специальных комментариях к ним) объективные и субъективные обстоятельства «рождения» индивидуально-стилистических неологизмов, может помочь постигнуть «тайны» этого сложнейшего механизма.

Индивидуально-стилистические неологизмы рассматриваются нами как явления языкового новаторства автора текста. По особенностям функционирования они сближаются с окказионализмами (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Р. Якобсон, В. Г. Гак, Т. И. Вендина, Т. С. Пристайко и др.).

Актуальность предпринимаемого исследования видится в том, что оно открывает новые возможности для приближения к осознанию когнитивных процессов, лежащих в основе обновления языковой картины мира путем анализа индивидуальной концептосферы автора, а также происходящих в ней динамических процессов.

Материалом исследования являются тексты писем А. Блока [1].

Цель работы: провести когнитивный дискурсивный анализ индивидуально-стилистических неологизмов в эпистолярных текстах А. Блока.

Задачи исследования: а) установить основные типы неологизации; б) выявить взаимосвязь между когнитивными и словообразовательными процессами; в) представить дискурсивный лингвоконцептуальный анализ текстов писем; г) выявить интертекстуальные связи; д) проанализировать авторские когнитивные метафоры и образные сценарии.

Новизна исследования заключается в лингвоконцептологическом подходе к словотворчеству как способу самопознания и самовыражения в общем контексте жизни, времени и культуры.

Тексты А. Блока, не только эпистолярные, дневниковые, но и художественные, в отличие от текстов многих его современников (В. Маяковского, В. Бальмонта, М. Цветаевой и др.), не изобилуют авторскими инновациями. Тем более важным является их анализ с позиций когнитивной дериватологии.

Если обратиться к отмеченным Г. О. Винокуром [4] трем основным процессам языкового новаторства авторов художественных текстов (создание абсолютно новых элементов, образование по существующим в языке моделям и оживление старых форм), то можно сказать, что для эпистолярных текстов А. Блока использование абсолютно новых элементов не характерно. Основными способами создания неологизмов являются: деривация разных типов, актуализация устаревших слов, метафоризация, трансформация фразеологизмов и прецедентных высказываний, а также нарушение привычных синтагматических связей. Во многих случаях отмечается контаминация различных способов неологизации.

Начнем анализ материала с деривационных окказионализмов, к которым относится глагол *изнигилицироваться*. ... для меня всего милее то, что ты пишешь мне, потому что там нет цитат из Священного писания: **окончательно я знигилицился**, спокойно говорю – и мало скорблю об этом, потому что чаще всего тоскую неизвестно о чем (Е. П. Иванову, 25 июня. Шахматово, с. 156). Семантика исчерпанности, доведения «до крайней точки» психологического состояния, как правило, отрицательного для субъекта (*извериться, измучиться, исстрадаться, изнервничаться*), или определенного действия (*избегаться, изолгаться, истаскаться*), также оцениваемого отрицательно самим субъектом действия или автором высказывания, подкрепляется в тексте письма наречием *окончательно*.

Авторская ремарка о спокойном восприятии данного состояния вступает в некоторое противоречие с последующим текстом: *Лучшая пора жизни – ночью перед сном, когда все тихо, – читать в постели – тогда иногда чувствуешь, что можно бы стать порядочным человеком* (там же, с. 157).

Отмечаются единичные новообразования от имен собственных: *Не досадуй на меня за мое «анти – Вяч. Ивановство»*, для меня его атмосфера тяжела ненужно (...) (Андрею Белому. 10 апреля 1912. Петербург, с. 386). Семантика приведенного окказионализма раскрывается всем содержанием письма, в котором А. Блок пишет о своем неприятии «диктата» Вяч. Иванова в теории символизма.

К деривационным неологизмам близки и нестандартные употребления грамматических форм, как, например, форма множественного числа существительного *ложь*: *А почему Вас смущает здесь эта «условность» нашей интеллигентской жизни, которая как всем известно, полна лжей и условностей?* (В. Н. Княжнину. 9 ноября. 1912. Петербург, с. 404). См. также форму сравнительной степени относительного прилагательного *крылатый*, употребленного в метафорическом значении: *Насчет «продуктов» – все «хуже», пока мне это очень полезно, иногда я ем только раз в день и чувствую себя от этого **крылатей*** (Матери. 30 июня. 1917. Петроград, с. 505). Разъяснение блоковского понимания метафоры *крылья* находим в дневниковой записи от 1 марта 1918 г.: *Главное – не терять крыльев (присутствия духа). Страшно хочу мирного труда, но – **окрыленного**, не проклятого* [3, с. 332].

Для стиля Александра Блока характерно авторское расширение круга безлично-предикативных слов, используемых прежде всего при описании обстановки. См, например, о Голландии: *Везде, как известно, каналы, большие пароходы, польдеры и мельницы (...) В Голландии не так уж весело, в конце концов, – мило, опрятно и*

водянисто, не оскорбительно (Матери. 10 сентября 1911. Роттердам, с. 372–373); о театральной студии, где работала Любовь Дмитриевна: *Хотя у них еще ничего не налажено и богемно, но духа пустоты нет* (Матери. 6 июня 1912, с. 391); о квартире; *Тетя уедет 7-го, я почти не вижусь с ней; но когда она уедет, станет как-то беспочвеннее в квартире* (Л. Д. Блок. 3 мая 1917. Петербург, с. 489). Показательно, что в этом же письме метафора *почва* повторяется, что актуализирует ее важность для индивидуальной концептосферы писателя: *Про дела свои как-то не хочу тебе писать сейчас; пока на плечах картон с галуном, нет почвы настоящей, каким-то подлецом и пошляком себя чувствуешь* (там же).

Средствами создания неологизма могут одновременно являться и деривационные процессы, и метафоризация. В качестве примера приведу анализ неологизма *расколпачиваться*: *Вот и пишу тебе опять, что грустно. Мы взаимно принимаем печали друг друга. Ты пишешь, чтобы тебя кто-нибудь обругал. Я не хочу ругать – и не надо; если что надо, – то выругать нас обоих: оба мы даем себя **околпачивать печалям**. А когда **расколпачиваемся**, – то по-разному.* (Е. П. Иванову. 6 августа 1906. Шахматово, с. 159). От просторечного глагола *околпачивать / околпачить* ‘обмануть, одурачить, воспользовавшись чьим-либо простодушьем, доверчивостью’ [12, т. II, с. 609] автор образует префиксально-постфиксальную форму: *расколпачиваться*. Оба глагола использованы в пределах одного синтаксического целого и соотносятся с деривационной моделью типа *одеть – раздеть, обернуть – развернуть, окутать – раскутать*. В данном случае можно говорить о «пространственной идее», заключенной в основу значения большинства русских приставок [8, с. 311] и шире – о пространственной идее, лежащей в основе множества концептуальных метафор (Ю. С. Степанов, М. Джонсон, Дж. Лакофф и др.).

Дискурсивный анализ эпистолярных текстов предполагает обязательное обращение к полному тексту письма и необходимой «затекстовой» информации. В письме говорится о редкой радости оставаться «самим собой» в общении с другими людьми. Доминирующее эмоциональное настроение – тоска, наступившая после завершения первого варианта пьесы «Король на площади» (*стало тоскливо опять, буду опять скучать, грустно, печали*).

Анализ полного текста письма Е. П. Иванову позволяет заметить, что происходит некоторый сдвиг и в семантике глагола *околпачить*, а именно: появляется дополнительная сема ‘охватить полностью’, заключенная в словообразовательной модели слова.

Своеобразие употребления глагола *околпачить* в блоковском тексте проявляется и в его валентностных связях. Известно, что *околпачить* – каузативный глагол, при этом каузатором, как правило, является лицо. См. также *колпачить, заколпачить*: *Жены мужей колпачат*, подчиняют себе, делают их колпаками. *Жена его околпачила, или заколпачила. Его околпачили, одурачили* [6, т. II, с. 143].

Таким образом, в анализируемом фрагменте текста письма неологизация проявляется не только в авторском новообразовании *расколпачиваться*, но и в изменении актантной структуры выражения *даем себя околпачивать печалям*, связанного с метафоризацией эмоционального состояния.

В ряде случаев основой неологизации становится актуализация устаревших слов. Покажу это на примере анализа наречия *алаберно* в форме сравнительной степени: *Вы очень «мудро» сделали, что не идете в Варьете. Гораздо «алабернее» меня. А я чувствую себя откровенно – даже сейчас* (В. А. Пясту. 27 ноября 1911, с. 379). *Алаберно* использовано как антоним наречия *безалаберно*, образованного от прилагательного *безалаберный*: 1. Беспорядочный в своем образе жизни, в

своих поступках. 2. Лишенный упорядоченности, последовательности, системности [12, т. I, с. 69].

С точки зрения современного носителя русского языка, существительное *алаберность*, прилагательное *алаберный* и, соответственно, наречие *алаберно* воспринимаются как окказионализм или языковая игра. Между тем В. И. Даль дает в своем Словаре существительное *алабор* с неустановленной точно этимологией (*не чудское ли или турецкое слово?*) как «старое», но в то же время отмечает и его современное употребление в говорах, в частности, в тверских. Имя *алабор* семантизируется как ‘устройство, распорядок, порядок’. От него производится глагол *алаборить* ‘ворочать делами, переворачивать, переделывать, приводить по-своему в порядок’: *Всякий начальник алаборит по-своему*. Любопытно, что далее следует имя *алаборщина*, в семантизации которого прослеживается энантеосемичность: ‘перебой, переворот, склока, **новые порядки или беспорядки**’ [6, т. I, с. 9]. Имя *безалаберный* приводится с фонетическим вариантом: безалабе(о)рный: ‘бестолковый, беспорядочный, неурядливый, взбалмошный, сбреховатый, неразумный, шальной’ [там же, с. 58].

М. Фасмер тоже дает варианты: *безалаберный*, также *безалаборный*. Прилагательное производится от существительного *алабор* «порядок», которое, по мнению М. Фасмера, «объяснялось неудовлетворительно»: от лат. *elaborāre*, нем. *alberb*, древневерхненемецкого *alwāri* и тюркского *arlı är* [13, т. I, с. 144]. По поводу тюркского источника М. Фасмер отсылает к статье **олберы** – «название тюркского племени ... Из древнетюркского *alub äri* «могущественный, великий муж» [13, т. III, с. 133]. Есть у М. Фасмера и статья **Алабор**: «порядок», **алаборить** «приводить в порядок», тверское. Возможно, сюда *безалаберный*. Слово восходит, по мнению Желтова и Младенова, к лат. *elaborāre*. Неубедительно, вопреки Преображенскому [13, т. I, с. 67–68].

Приведенный этимологический материал подтверждает возможность выявления в неологизме исторических форм языка. Интересное наблюдение по этому поводу находим у В. Г. Гака: «По аналогии с биологией здесь можно сказать, что онтогенез – развитие отдельной особи, есть краткое повторение филогенеза – развития вида в целом. Отдельный писатель, создавая слово или форму, повторяет тот же эволюционный путь, который в свое время был пройден языком – носителями языка – в целом» [5, с. 745–746].

Очевидно, что авторские метафоры также относятся к области индивидуально-стилистической неологии и являются главной составляющей индивидуальной концептосферы.

Особо акцентируется внимание на индивидуальных концептах в работах Р. И. Павилениса, который называет «смыслом» или «концептом» информацию об актуальном или возможном положении вещей в мире. «Более строго концепт можно рассматривать как интенциональную функцию, определяющую множество объектов или предметов; значениями такой функции, очевидно, могут быть как объекты (предметы) действительного мира, так и объекты (предметы) возможных миров» [10, с. 102]. В непризнании роли понятий семантики «возможных миров» автор видит следствие влияния методологической доктрины неопозитивизма с ее ориентацией «иметь дело исключительно с *наблюдаемыми* феноменами – языком и действительностью» [там же, с. 100].

В работе Р. И. Павилениса концептуальная система определяется через информацию, которой располагает индивид [там же, с. 238–264]. Под концептуальной системой понимается система концептов индивида [там же, с. 239–240], автор особо подчеркивает тезис о том, что **«любые утверждения о мире предполагают оп-**

ределенный контекст мнения и в этом смысле носят существенно интенциональный характер [там же, с. 241].

Исследованию индивидуального концептуального пространства посвящено немало современных лингвистических работ (Л. П. Иванова, Т. А. Космеда, В. А. Маслова, И. В. Ружицкий, Н. В. Слухай, Л. Н. Синельникова и др. Подробное изложение этого материала см. в: [14, с. 144–165]).

Идея первичности индивидуальной концептуальной картины мира связана также с модулем – одним из основных понятий когнитивизма, которое относится к обозначению простейших систем, из которых состоит вся инфраструктура мозга / разума / языка (Обзор работ о модуле см. в работе В. З. Демьянкова [9, с. 101–105]). Концептуальная система трактуется как совокупность концептов или ментальных репрезентаций разного типа, т. е. не только репрезентаций систем [9, с. 97]. В таком понимании она может быть соотнесена с «информационным тезаурусом человека», который включает не только вербальные, но и невербальные знания о мире [7].

Предметом моего анализа явились когнитивные метафоры, отражающие такой фрагмент индивидуальной концептосферы А. Блока, как «система мнений» о геополитической, культурной и психологической роли России в отношениях между Западом и Востоком. В письме матери в мае 1917 года А. Блок пишет о новой угрозе для России со стороны бывших военных союзников, англичан и французов, и в то же время – о причине их страха перед Россией: *... они смертельно нас боятся, я думаю; потому что мы, если уж на то пошло, с легкостью пропустили сквозь себя желтых и затопили ими не один Реймский собор, но все остальные их святые магазины. Мы ведь плотина, а в плотине – шлюз, и никому отныне не заказано приоткрыть этот шлюз «в сознании своей революционной силы»* (Матери. 2 мая 1917. Петроград, с. 487). Мнение автора о роли России выражается посредством когнитивной метафоры: *Россия подобна плотине между Европой и Востоком*. Вокруг этой метафоры строится образный сценарий (подробней об образных сценариях со значением каузации см.: [14, с. 293–303]): в плотине может быть *приоткрыт шлюз* (метафора умышленного снятия преграды) и вследствие этого *желтые* (метафорическое представление жителей Востока) *затопят* Европу (метафора угрожающего заполнения пространства большой движущейся массой).

Важность представленной позиции для индивидуальной концептосферы А. Блока подтверждается тем, что в системе текстов «Из записных книжек и дневников» [3, с. 99–386] он неоднократно к ней возвращается. Так, за 19 дней до завершения поэмы «Скифы», 11 января 1918 года, говоря о позоре Брестских переговоров, Блок пишет: *Если вы хоть «демократическим миром» не смаете позор вашего военного патриотизма, если нашу революцию погубите, значит вы уже не арийцы больше. И мы широко откроем ворота на Восток. Мы на вас смотрели глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом: мы скинемся азиатами, и на вас прольется Восток. Ваши шкуры пойдут на китайские тамбурины* [3, с. 324].

Как видим, писатель представляет антитезу *арийцы* (Европа) и *азиаты* (Восток) и особую роль России, метафорически представленной возможностью изменения взгляда на Европу (*глаза арийцев* и *косящий, лукавый, быстрый взгляд азиат*), то есть победы азиатского начала. Роль России как сдерживающей силы в противостоянии Запада и Востока выражена метафорой *ворота*, идея умышленного снятия преграды представлена метафорическим выражением *И мы широко откроем ворота на Восток*. Опасное для Европы последствие этого действия вновь выражается метафорой воды, затопляющей пространство: *и на вас прольется Восток*.

Уже после заключения Брестского мира А. Блок делает запись от 4 марта 1918 года о возможности дальнейшего развития противостояния Европа-Азия, где одной из ключевых является метафора *крови*, олицетворяющей расу, вокруг которой создается образный сценарий «влития крови»: *Происходит, кажется, нечто: то есть по-видимому произойдет потрясение между тем моментом, который сейчас есть (нерешительность), и будущим влитием желтой крови в белую (для уничтожения всего перечисленного)* [3, с. 334].

В тексте этой же записи встречается и ключевая авторская метафора *музыки* как воплощения гармонии, справедливости. Именно *музыка* как невербальное знание о мире чрезвычайно важна не только для поэтики А. Блока (*Слушайте музыку Революции!*), но и для его индивидуальной концептосферы. *Восстановление музыки* символизирует восстановление справедливости: *У Европы – склероз, она не гибка и будет еще истеричничать (гордиться, тыкать в нос желтым свою арийскую кровь, баяться насилия и т. д., то есть оттягивать, то есть еще и еще посягать на неминуемо долженствующую восстановиться музыку).*

Не вызывает сомнения, что художественной вершиной развития темы: Европа-Азия-Россия – стала поэма «Скифы» (30 января 1918 г.), анализ которой остается за рамками этой статьи. Замечу только, что метафоры *плотина* и *ворота* трансформировались в метафору *цит* (использованную ранее В. Соловьевым): *Но сами мы – отныне вам не цит...* На смену образному сценарию «затопления Европы Востоком» приходит образный сценарий «поглощения Европы Востоком», метафора изменения взгляда России на Европу сменяется метафорой «двойного лика»: *Мы широко по дебрям и лесам Перед Европою пригожей Расступимся! Мы обернемся к вам Своею азиатской рожей!* [2, с. 246].

Безусловно, в представленных авторских прогнозах отразились и идеи В. Соловьева о панмонголизме, и собственно авторское видение истории. Все это относится к сфере «возможных миров», но тем не менее включается в индивидуальную концептосферу, мощным средством выражения которой являются авторские метафоры.

Одним из процессов авторской неологизации является семантическое переосмысление фразеологизма: *Флаги везде только красные, «подонки общества» присмирели, что радует меня даже слишком – до злорадства* (Матери. 2 апреля 1917. Петроград, с. 482). Вместо общеязыкового выражения *сливки общества* ‘самая лучшая, отборная часть кого-, чего-л.’ [12, т. IV, с. 137], обычно использовавшегося в языке XIX века как номинация высших слоев общества, поэт берет антонимичный фразеологизм *подонки общества* [12, т. III, с. 207] ‘деklasированные, разложившиеся, преступные элементы общества’ (заклучая выражение в кавычки) как номинацию высших слоев общества (или сторонников монархии). Соответствующее примечание дается к этому письму в комментариях [1, с. 620].

Понимание данного семантического переосмысления возможно только в контексте революционной весны 1917 года в Петрограде и ее отражения в индивидуальной концептосфере поэта. Заметим, что в письмах А. Блока этого периода неоднократно говорится о симпатии к большевизму и революционным идеям: *Везжая отсюда, ты мне писала об угрозах ленинцев. Неужели ты не понимаешь, что ленинцы не страшны, что все по-новому, что ужасна только старая пошлость, которая еще гнездится во многих стенах* (Л. Д. Блок. 3 мая 1917. Петроград, с. 488); *...я же старался внушить ей, что я склоняюсь к с.-р.; а в тайне – и к большевизму и что, по моему мнению, сейчас именно любовь к России клонит меня к интернациональной точке зрения ...* (Матери. 7 июня. 1917. Петроград, с. 499–500).

В основе замены фразеологизмов лежит, очевидно, не только социальная концепция автора, но и древнейший архетип противопоставления 'верха' и 'низа', соответствующие мифологемы и метафорические выражения. Во времена революционных потрясений 'верх' и 'низ' меняются местами – в соответствии с законами «карнавализации».

Кстати, в дневниковой записи от 26 мая 1917 года А. Блок пишет и о такой возможности развития революции, как смена лиц, сидящих «у пирога власти» без изменения самой сущности власти: *Если даже не было революции, т. е. то, что было, не было революцией, если революционный народ только расселся у того же пирога, у которого сидела бюрократия, то это только усугубляет русскую трагедию* [3, с. 288].

Таким образом, для реализации лингвоконцептологического подхода к исследованию авторской трансформации фразеологизма полезно обращение к общему контексту творчества и жизни поэта. Кстати, немаловажным обстоятельством являлась и работа А. Блока в «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, управляющих и прочих высших должностных лиц...», учрежденной 5 марта 1917 г.

К области блоковских индивидуально-стилистических неологизмов относится нарушение привычных синтагматических связей, например: *водевильное количество лекарств, стихи «непитательны», пропащий сад* и др. Из множества подобных примеров проанализирую только один, выбранный по причине дополнительной возможности проследить, как отражаются в тексте динамические процессы, происходящие в индивидуальной концептосфере поэта. Для того, чтобы прояснился смысл необычного сочетания имени *порывы* с определением *ядовитые* (ср.: *благие порывы, души прекрасные порывы* и др.), привожу достаточно пространный текст одного из последних писем А. Блока, адресованного Н. А. Нолле-Коган с пожеланием ее маленькому ребенку, передающим, по словам поэта, 1/100 «лучшую мою часть»: *Это пожелание такое: пусть, если только это будет возможно, он будет человек мира, а не войны, пусть он будет спокойно и медленно созидать истребленное семью годами ужаса. Если же это невозможно, если кровь все еще будет в нем кипеть, и бунтовать, и разрушать, как во всех нас, грешных, – то пусть уж его терзает всегда и неотступно прежде всего совесть, пусть она хоть обезвреживает его **ядовитые, страшные порывы**, которыми богата современность наша и, может быть, будет богато и ближайшее будущее* (Н. А. Нолле-Коган, 8 января 1921 г. Петроград, с. 532).

Итак, проведенный анализ позволяет сделать следующие **выводы**: 1) обращение к индивидуальной концептосфере автора при анализе индивидуально-стилистических неологизмов значительно расширяет возможности понимания их смысла; 2) когнитивный дискурсивный анализ эпистолярного наследия А. Блока позволил не только выявить основные типы неологизации, но и в ряде случаев установить их истоки; 3) для наиболее корректного анализа авторских когнитивных метафор и образных сценариев полезно обращение к общему контексту творчества и судьбы Поэта.

Перспективы исследования заключаются в расширении его материала и разработке методологии и методики когнитивно-дискурсивного анализа.

Библиографические ссылки

1. **Блок А.** Собр. соч. в восьми томах / под. общ. ред. В. Н. Орлова и др. / А. Блок. – М.–Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1963.

- Т. 8. Письма. 1898–1921 гг. – М.–Л. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1963. – 771 с.
2. **Блок А.** Собр. соч. в шести томах / под ред. С. А. Небольсина / А. Блок. – М. : Правда, 1971.
– Т. 3. – М. : Правда, 1971. – 414 с.
 3. **Блок А.** Собр. соч. в шести томах / под ред. С. А. Небольсина / А. Блок. – М. : Правда, 1971.
– Т. 6. – М. : Правда, 1971. – 398 с.
 4. **Винокур Г. О.** О языке художественной литературы / Г. О. Винокур. – М. : Наука, 1991.
 5. **Гак В. Г.** Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
 6. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978–1980.
 7. **Залевская А. А.** Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности / А. А. Залевская // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М., 1985. – С. 150–171.
 8. **Зализняк А. А.** Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
 9. **Краткий словарь когнитивных терминов** / [Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996. – 245 с.
 10. **Павиленис Р. И.** Проблема смысла : современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.
 11. **Плотникова Л. И.** Словообразование как феномен языковой личности / Л. И. Плотникова. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2003. – 332 с.
 12. **Словарь русского языка** : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984.
 13. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. П. Трубачёва; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 1986–1987.
 14. **Яценко Т. А.** Каузация в русском языковом сознании : монография / Т. А. Яценко. – Симферополь : «ДИАЙПИ», 2006. – 478 с.

Надійшла до редколегії 10.06.09